

* * *

Всяк мерит мир на свой аршин,
Блуждая среди лжи.
Несть человека, кто, пожив,
Остался негрешим.

Спаси мя, Бог, уничижи,
Низринь и подыми,
Разжалуй в зэки и в бомжи,
В изгои меж людьми.

Лишь об одном мой слабый глас
Тревожит Божью высь:
– Дай силы мне молиться, Спас,
И Сам во мне молись.

* * *

Меня нашли в чужой капусте,
Чтоб истолочь и шинковать.
Бес там вредит, где Бог попустит.
Одна защита – Божья Мать.

Она хранит мой ямб увечный
И самого меня хранит,
Чтобы на станции конечной
Мой вопль пробился сквозь гранит.

Сквозь глухоту непониманья,
Сквозь всё, что вы здесь наплели.
По злобе иль «из состраданья»
Вы костыли мои сожгли?

Наш век, на злобу урожайный:
То нож под дых, то пуля в лоб.
А я остался под Можаем
С ногами, вмёрзшими в окоп.

Они бесчувственнее жести,
И, кажется, их вовсе нет.
Коснёшься ног – они на месте
И так мозжат с тех страшных лет,

Что хочется кричать от боли.
Но мне был Глас: «А ты запой!»
И я завыл в своей юдоли
Гимн Жизни – жалкий и слепой.

* * *

Привстал на цыпочки камыш,
Трава стоит по стойке «смирно»,
Росой обрызганная тишь
То пахнет порохом, то смирной.

Вода по имени река
Границ бояться опоздала:
Уже подтянуты войска
К владеньям верб и краснотала.

И всё же жизнь произошла.
Плодит кормилица природа
Злак для крестьянского стола
И корнеплоды с огорода.

Вращает мельницу река.
А над рекою – мастодонты –
Несут воздушные войска
Ракеты из-за горизонта.

Издалека плывут дымы,
Всё ближе ухают снаряды.
На кой природе эти мы –
Катализаторы распада?

В убийствах люди знают толк.
А человек природе нужен?
Ведь он всему живому – волк.
А если вдуматься, и хуже.

ЛИМОННИК

Уйма вокруг клыкастых и саблезубых!
Я же сородич вьючных и травоядных,
Их простодушных лиц, перебранок грубых,
Чернорабочих спин, демонстраций стадных.

Вот они, мы, – бухаем днесь в чебуречной.
И, доложу вам, это не худший отдых.
В кружки разлит лимонник – экстракт аптечный,
Масью, что твой коньяк, крутой, пятизвёздный.

Стоит копейки, а веселит и греет,
Вроде бухла изрядного пышных пиршеств.
И философствует дворник: «Гляди ширее.
Жисть, не в примеры, стала вольней и ширше».

Только средь травоядных я выхожу из комы.
Мы поминаем павших в конфликтных зонах.
Зрит на майдан Бандера со всех балконов.
Тленом шибает в нос от героев оных.

Пир в чебуречной иссяк, как экстракт аптечный.
Цены взбесились; укры бомбят шахтёров.
Мир вам, Донбасс увечный, Луганск калечный,
Жертвы заокеанских ястребов-дирижёров.

Вящим старанием нациков саблезубых
«Волчий крюк» украшает любой подоконник;
Жизнь в городах донецких пошла на убыль.
За упокой их пьют простецы лимонник.

* * *

Во всех грехах повинный, каюсь.
Бездонно небо, ночь бездонна.
Безмолвствую и сокрушаюсь,
Молюсь, коленопреклонённый
Святому Духу и Отцу:
Будь, Боже, милостив к слепцу!

Владыка Мира, тьмы и света,
В могильный погреб слепоты
Пошли хоть лучик. Нет ответа.
Ищу ощупкой то и это,
Но из разрозненных предметов
Не сложишь зримой красоты.

МОСКОВСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Блаженный Василий, Христа ради юродивый

*За не вполне разумный вид
Причислен к юродам Василий.
Всяк надругаться норовит
Над сим подобием России...*

Бысть месяц лютень, мраз велик;
Бяху стражники в набаты,
Костры для обогрева жгли
От Места Лобна до Арбата.

Калик помёрзло и бродяг!
Никто их тел не погребоша.
Лишь стаи злобные собак
Их костяную плоть грызоша.

Бысть некий юрод в те поры,
Не знавший ни одежд, ни крова,
И стражи, жгущие костры,
Вельми дивились на нагого.

Скоты и люди без числа
Нашли погибель в лютой стуже.
Сего же стужа не брала,
Поне нагой был бос к тому же.

– Ты кто? – святой, иль сатана? –
Стрельцы юрода вопрошаху.
– Я нищ и наг, как вся страна,
И отдал нищему рубаху.

И Грозный-царь свои плащи
И шубы пусть раздаст бездомным.
– Да ты опасный бунтовщик
И кончишь дни на Месте Лобном! –

Вскричали в ярости стрельцы. –
Хватай его, тащи в темницу!
Где кровью плачут наглецы,
Мутить дерзнувшие столицу.

– Оле! Я, стало быть, из них!
Не много ль сабель и пищалей
И вашей всей со мной возни?
Иль вы без крови заскучали?

Во мне же нет почти руды –
На плаху много не прольётся:
Во мне от пят до бороды
И горсть её не наберётся.

Всю выпил кровопийца-царь.
И только ль он! Опричник каждый,
Стрелец, мясник Малюта, псарь –
Все Васиной кровяцы жаждут.

– Сейчас я кончу этот вздор! –
Он на всю голову безумен.
– Погодь кровавить им топор.
Пусть поблажит, пока не умер.

– Так что с ним деять? Удавить?
Чтоб в головах не сеял скверну,
Собак голодных натравить? –
Да жрать не станут – тощ безмерно.

Слегка замешкались стрельцы
Пред тем, как совершить расправу –
Отправить Васю в мертвецы.
Но что за диво, Боже Правый?!

На месте, где безумец был,
Сидит задумчивая птица.
А дурака и след простыл.
Не мог же, право, испариться?

Стрельцы дивились: где юрод?
И как возникла птица-голубь?
Не видел Васю и народ,
Но повторял его глаголы...

* * *

Меня встречали по одежке,
А провожали тоже плохо –
Под неусыпным взором ВОХРа
И секретарши-голоножки.

Их не устраивал мой профиль,
Мой малый стаж и резюме,
И то, что я ни в чём не профи,
И что родители в тюрьме.

Меня от голода шатало,
Сквозь дыры валенок жёг снег.
Сквозь слёзы солнце хохотало,
А может, плакало сквозь смех.

Барашки туч у небосклона
Напоминали калачи,
И несъедобная ворона
Кричала хрипло с каланчи.

Всё ж я не сдох, живу в столице.
Стал забывать, как жил в аду.
Но снова «праведные лица»
Визжат: ату его, ату!

* * *

Жизнь дробится на сны и напасти.
И поди в этой мгле разбери,
Почему я помилован властью,
Хоть за мной и следили хмыри.

Знать, и службы подвластны абсурду,
Если я разминулся с бедой.
Без меня отправляется в тундру
Вагонзак, от мороза седой.

Вагонзак, увозивший когда-то
По этапу на зону отца
В царство низких берёзок горбатых
На прокорм воронью и песцам.

Ну, а я, неугодный закону,
Уцелел, может быть, потому,
Что менял города и перроны.
Впрочем, сам не пойму – почему.

Только страх поселился в подкорке
В тридцать страшные те времена.
Видно, брак получился при сборке,
Но ГУЛАГ заслонила война.

Как я выжил, худой недопёсок,
Голодней подзаборного пса,
Средь сексотов, взирающих косо
На последыша зэка-отца?

* * *

Мешали с грязью и чернили,
Готовы в клочья разорвать,
И так усердно хоронили,
Что я раздумал умирать.

Ах, эти праведные лица!
Их зуд – клеймить и обличать.
По ним бы мне и не родиться,
Не то, что слать стихи в печать.

Но вот я с теми, кто живые,
И сам, отчасти, вроде, жив –
Ярмо привычное на вые.
Рюкзак на роликах – мой «джип».

А в нём картофель да моркофель,
Чеснок, редиска, огурцы,
Фасоль, крупа да хлеба трохи.
Бог щедр! и по фиг мне жрецы.